

II. КАВКАЗ

О. И. Беляев

АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНАЯ СИСТЕМА АШТЫНСКОГО ДАРГИНСКОГО¹

1. Введение

Аштынский даргинский (самоназвание *išt'a-la vaj* 'Ашты-GEN речь') — диалект кубачинского языка, относящегося к даргинской группе нахско-дагестанских языков. По традиционной классификации кубачинский является диалектом даргинского языка [Гасанова 1971: 33], а аштынский, соответственно, — говором кубачинского диалекта. Однако в последнее время в научной среде все большее признание получает точка зрения, согласно которой многие даргинские «диалекты» целесообразнее трактовать как отдельные языки (см. подробнее [Коряков, Сумбатова 2007]). Тем более это относится к кубачинскому, который, по мнению большинства исследователей, особенно далеко отошел от всех остальных даргинских идиомов.

На аштынском диалекте говорят жители с. Ашты (ашт. *išt'a*) и с. Дирбаг (ашт. *dirbav*) Дахадаевского района Республики Дагестан, чьи предки, как считается, переселились туда из аула Анчибчи, располагавшегося вблизи с. Кубачи, несколько сотен лет назад. Предки жителей с. Дирбаг переселились из с. Ашты чуть более 100 лет назад; по моим наблюдениям, между речью двух аулов не имеется никаких существенных расхождений.

Собственно аштынский диалект никогда ранее не был самостоятельным объектом грамматического описания. Некоторые сведения об аштынской морфологии содержатся в работе А. А. Магометова [Магометов 1963], посвященной кубачинскому языку. Морфологические отличия между аштынским и кубачинским незначительны; прежде всего следует отметить аштынский

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ № 10-04-00228а и № 11-04-00282а.

показатель перфекта *-ip:i* (< кубач. *-ib-li*) и аштынские формы будущего времени, имеющие иное происхождение, нежели в кубачинском [Магомедов 1963: 197–198]. Однако, поскольку описание семантики глагольных форм у А. А. Магомедова является достаточно сжатым, нельзя исключать и того, что в кубачинском многие из них употребляются иначе, нежели в аштынском. Кроме того, ряд форм, засвидетельствованных в аштынском (экспериментив, квалитатив, результатив, прогрессив, большинство перифрастических условных форм), в описаниях кубачинского не зафиксированы (что, впрочем, не обязательно говорит об их отсутствии).

Данные аштынского диалекта были собраны в ходе экспедиций в Республику Дагестан в 2009–2010 гг. Я благодарен Ш. Р. Гаджиеву (с. Дирбаг), М. Т. Гаджимурадову (ДГУ, г. Махачкала), Р. А. Махмудовой (с. Ашты, г. Владикавказ), А. М. Муса-Гаджиевой (с. Ашты) за многочисленные консультации по аштынскому материалу. Большая часть представленных в статье примеров получена методом элицитации, однако в тех случаях, когда это возможно, примеры взяты из аштынских лирических песен, переведенных М. Т. Гаджимурадовым и любезно предоставленных мне для ознакомления, а также из устных текстов, записанных в ходе экспедиций. Кроме того, я благодарен М. А. Даниэлю, Т. А. Майсаку, Р. О. Муталову и В. А. Плуянцу за внимательное прочтение первоначального варианта этой статьи и ценные комментарии. Наконец, хотелось бы поблагодарить Н. Р. Сумбатову за неизменное содействие и поддержку.

Данная статья построена следующим образом. В разделе 2 рассматривается морфология и грамматическая семантика основных видо-временных форм аштынского глагола, причем особое внимание уделяется нетривиальным значениям и сочетаниям граммем; во многих случаях проводится также сравнение рассматриваемых форм с аналогичными формами в других даргинских языках. Помимо основных форм индикатива, в рассмотрении также включаются условные формы, поскольку их видо-временная система в значительной степени параллельна индикативной, но не полностью дублирует ее. В разделе 3 подробно анализируются проблемные места аштынской видо-временной системы. Наконец, в заключении (раздел 4) указываются важнейшие особенности аштынской видо-временной системы, представляющие, на мой взгляд, интерес как на общетипологическом

фоне, так и на фоне других даргинских и нахско-дагестанских языков.

2. Морфология и грамматическая семантика

В аштынском диалекте, как и в других даргинских идиомах, в глаголе можно выделить следующие словоизменительные грамматические категории (кроме согласовательных и полярности): вид (выраженный в глагольной основе), таксис, аспект, время и наклонение. Различение «вида» как грамматической категории, выраженной в основе, и «аспекта» как более общей категории, специфицирующей конкретное аспектуальное значение той или иной грамматической формы, удобно с описательной точки зрения.

Важной особенностью аштынской глагольной системы является наличие трех классов спряжения. Класс спряжения определяет формы перфективного и имперфективного причастий-деепричастий, а также выбор тематической гласной в синтетических финитных формах глагола. Различия между тремя спряжениями приведены в следующей таблице²:

Показатель	I	III	II
3 лицо претерита	TR: -aj INTR: -i	-aj	-in
Тематическая гласная претерита	-a-	-i-	
3 лицо настоящего общего	TR: -u- INTR: -a-	TR: -a INTR: -u	-an
Тематическая гласная настоящего общего	TR: -i- INTR: -u-	TR: -a- INTR: -u-	-a-
3 лицо условного реального	-a:-li		-an-ni
Основа настоящего времени	-ul		-un
Причастие-деепричастие настоящего времени	-u		
Причастие-деепричастие прошедшего времени	-ib		
Перфект	-ip:i		-unni
Императив	-a/-i		-in

² Формально III и I спряжение ближе друг к другу, чем II спряжение к любому из них, поэтому для наглядности имеет смысл помещать III спряжение ближе к I. В нумерации спряжений я следую А. А. Магометову.

2.1. Вид

Глагольные корни в аштынском диалекте имеют две видо-вые основы: перфективную и имперфективную. В большинстве случаев основа имперфектива однозначно идентифицируется как вторично образованная от перфективной при помощи инфиксации или аблаутного чередования. Однако установить регулярные правила, позволяющие точно предсказать деривацию одной основы от другой, на синхронном уровне для аштынского, по-видимому, невозможно.

подавляющее большинство корней в аштынском диалекте, как и в большинстве других даргинских идиомов, имеют общую структуру V(C)C. Большинство корней требуют префиксации классного согласовательного показателя; существует некоторое количество исключений, часть из которых имеют нерегулярный вид CVC (ср. *~ilg^w/lug* ‘считать’³). Двусложные глагольные корни, по моим данным, в аштынском диалекте отсутствуют. Подробнее о структуре корня в даргинских языках см. в работе [Муталов 2002].

Граммемы вида в аштынском диалекте в большинстве случаев имеют достаточно прозрачное семантическое содержание, соответствующее принятому в грамматической типологии пониманию перфектива и имперфектива [Dahl 1985: 73–79; Плуныян 2011: 396, 402–403]. Не всегда тривиальным является, однако, взаимодействие между видом, выраженным в основе, и семантикой «внешних» аспектуально-темпоральных показателей. Подробное обсуждение данного вопроса см. в §3.1.

2.2. Таксис

Грамматическая категория таксиса независимо выражена только в аналитических финитных глагольных формах (см. ниже). Она имеет два значения: немаркированное нейтральное и маркированное значение ретроспективного сдвига, которое выражается особой формой предикативного показателя, не дифференцированной по лицам (см. ниже).

В большинстве случаев показатель ретроспективного сдвига имеет достаточно прозрачное значение, а именно указывает на

³ При цитировании глагольных корней первой приводится перфективная основа, второй — имперфективная; тильда перед основой обозначает присоединение классного показателя.

временную локализацию одной ситуации относительно времени другой ситуации в прошлом. Так, презенс в сочетании с показателем ретроспективного сдвига выражает действие, одновременное некоторому другому действию в прошлом. Однако в сочетании с некоторыми видо-временными формами (прежде всего с перфектом и будущим временем) показатель ретроспективного сдвига приводит к нетривиальным изменениям или уточнениям исходного значения; подробнее см. в разделе 2.3.

2.3. Нефинитные глагольные формы

В аштынской видо-временной системе большую роль играют нефинитные глагольные формы: простое причастие-деепричастие (перфективное и имперфективное), а также деепричастия презенса, перфекта и будущего времени. Основное формальное отличие нефинитных форм от финитных состоит в том, что они не могут употребляться в независимом предложении без энклитических личных показателей в 1 и 2 лице или связки в 3 лице (за исключением утвердительных форм 3 лица, где связка опускается во всех сериях, кроме экспериентива и квалитатива).

Простое причастие-деепричастие бывает перфективным и имперфективным; данные формы имеют разные показатели в I и III спряжениях, но эти показатели распределены по соответствующим основам (см. таблицу). Видовое значение (дее)причастия определяет таксис зависимой клаузы: имперфективное деепричастие выражает действие, совершаемое одновременно с основным действием, а перфективное — действие, предшествующее главному.

Деепричастие настоящего времени употребляется только в аналитической форме презенса (о понятии «аналитических» и «синтетических» форм в даргинских языках см. § 2.4.1). Исторически оно связано с простым имперфективным (дее)причастием, и во II спряжении эти формы совпадают; однако в I и III спряжениях конечный согласный *-l* выпал в простом имперфективном деепричастии (вследствие чего имперфективные причастие и деепричастие в аштынском формально не противопоставлены)⁴,

⁴ В кубачинском языке сохраняется старый показатель *и*, следовательно, противопоставление форм причастия и деепричастия: ср. ашт. *b-a:t-u(-zi-w)* (N-оставить.IPFV-PTCP(-ATTR-M)) ‘оставляющий’, *b-a:t-u* (N-оставить.IPFV-CVB) ‘оставляя’, и кубач. *b-a:t-u(-zi-w)* (N-оставить.IPFV-

но сохранился в показателе презенса, то есть на синхронном уровне две эти формы разошлись. Следует, впрочем, отметить, что в традиционных текстах, например, в лирических песнях, в I и III спряжениях иногда встречается архаичный показатель *-uli*, употребляемый и как показатель презенса, и как показатель простого имперфективного (дее)причастия.

Перфектное деепричастие также встречается исключительно в соответствующей аналитической форме и восходит к сочетанию показателя претерита *-ib/un* с общедаргинским адвербиальным показателем *-li*⁵. Форма перфекта в I и III спряжениях получилась путем перехода *-ib-li* > *-ip:i* (в кубачинском языке сохранилась старая форма), однако синхронно *-ip:i* следует считать неразложимым показателем, поскольку переход *bl* > *p*: в аштынском не является продуктивным морфонологическим процессом (ср. показатель каузального падежа *-ži-b-li* 'SUPER-N-CAUS', где подобного перехода не происходит).

Наконец, деепричастие будущего времени с показателем *-an(-ni)* формально во всех лицах, кроме третьего, совпадает с малопродуктивным причастием настоящего времени на *-an*. Показатель *-ni* в 3 лице является ассимилированным вариантом деепричастного показателя *-li*. Деепричастие будущего времени, как и деепричастия настоящего времени и перфекта, употребляются только в соответствующей «аналитической» форме.

Показатели причастий и деепричастий приведены в таблице на с. 187.

2.4. Аспект, время и модальность

2.4.1. Аналитические и синтетические формы. Все глагольные парадигмы в даргинских языках принято делить на два класса — синтетические и аналитические формы (о различии син-

PRS(-ATTR-M)) 'оставляющий', *b-a:t-u-l* (N-оставить.IPFV-PRS-CVB) 'оставляя' [Магомедов 1963: 219–220].

⁵ В кубачинском языке основа претерита, в других даргинских языках выступающая только в атрибутивной функции и в качестве простого прошедшего времени, стала также употребляться деепричастно, что дало современную форму причастия-деепричастия. Показатель же деепричастия *-li* в кубачинском практически полностью утратил самостоятельность, сохранившись как независимая морфема только в формах экзистенциального глагола (см. ниже).

	I, III	I, III (арх.)	II
Основа имперфектива	-u PTCP/CVB	-uli PTCP/CVB/PRS	-un PTCP/CVB/PRS
	-ul PRS		
Основа перфектива	-ib PTCP/CVB		-unni PERF
	-ip:i PERF		

тетических и аналитических форм в даргинских языках см. подробнее [Сумбатова 2004]). Синтетические формы состоят, как правило, из основы, к которой присоединяется тематический гласный (его выбор зависит от класса спряжения) и одно из лично-числовых окончаний. Наборы окончаний имеют общее происхождение, но на синхронном уровне существенно отличаются в разных ви́до-временных парадигмах, и поэтому будут описаны в соответствующих разделах.

Аналитические формы состоят из нефинитной глагольной репрезентации — причастия или деепричастия — и отделимого предикативного показателя. При этом в утвердительных формах настоящего времени маркируются, как правило, только 1 и 2 лица; связка в 3 лице используется в формах экспериентива, хаби-туалиса, а также в отрицательных формах. Личные показатели, таким образом, имеют следующий вид:

	Утвердительная полярность		Отрицательная полярность	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>da</i> 1/2PL		<i>a-da</i> NEG-1/2PL	
2 л.	<i>di</i> 2SG		<i>a-di</i> NEG-2SG	
3 л.	<i>(sa-b)</i> COP-N		<i>a-sa-b</i> NEG-COP-N	

Предикативный показатель имеет также ретроспективную форму *-(a)-di* (-(NEG)-PAST), в которой отсутствует личное согла-

сование⁶. Этот показатель маркирует значение ретроспективного сдвига.

Противопоставление синтетических и аналитических финитных форм играет центральную роль в глагольной системе даргинских языков. Это проявляется в том, что две эти системы устроены внутри себя весьма различно: если в «синтетических» формах категория таксиса выражена кумулятивно с категориями аспекта, времени и модальности, то в «аналитических» формах выражение этих категорий локализовано в предикативном показателе (таксис) и в нефинитной форме глагола (аспект, время и модальность). Кроме того, предикативный показатель в аналитических формах является отделимым и может быть помещен в позицию после фокусируемой составляющей клаузы [Sumbatova 2009], тогда как в синтетических формах отделимый показатель отсутствует, а все грамматические категории выражаются морфологически в глагольной словоформе. Отрицание в синтетических финитных формах выражается редупликацией глагольной основы, а в аналитических финитных формах — при помощи префикса *a-*, присоединяемого к предикативному показателю. Наконец, во многих даргинских диалектах синтетические и аналитические формы противопоставлены по принципу неассертивности/ассертивности [Сумбатова 2004; Kalinina, Sumbatova 2007].

Наряду с аналитическими формами, содержащими отделимый предикативный показатель, в аштынском существуют и аналитические образования иного рода. В этих случаях нефинитная глагольная форма сочетается с финитной формой полноценного

⁶ Традиционно нефинитные компоненты аналитических глагольных форм в сочетании с ретроспективным сдвигом, а также формы, образованные от различных видовых основ при помощи одних и тех же показателей, в даргинистике рассматриваются как отдельные глагольные парадигмы. Так, презенс с ретроспективным сдвигом рассматривается как «прошедшее длительное», перфект — как «плюсквамперфект»; претерит от основы перфектива и имперфектива рассматривается как «прошедшее завершённое» и «прошедшее незавершённое» соответственно и т. д. Однако, поскольку категории вида и таксиса в аштынском являются самостоятельными грамматическими категориями, я буду рассматривать подобные «пары» и «тройки» форм как части одной и той же серии. В этом я следую практике работы [Муталов 2002], где «ретроспективные» формы названы «пред-формами».

вспомогательного глагола. К этому классу относятся, в частности, аналитические условные формы, которые будут описаны ниже в данной статье. В таких формах категории аспекта и времени выражены в нефинитной форме смыслового глагола, а вспомогательный глагол служит выражением лишь категории модальности. Если вспомогательный глагол представляет собой синтетическую финитную форму (как в условных формах), то тагисис отдельно не выражается; если же это аналитическая финитная форма, то к ней присоединяется личный показатель, который ведет себя так же, как и в остальных случаях. Такого рода аналитические формы, очевидно, являются вторичными образованиями, которые не следует рассматривать наравне с аналитическими формами первого рода.

Необходимость различать аналитические формы первого рода и аналитические формы второго рода привела к тому, что в некоторых работах для тех и других используются различные термины. Так, в грамматике ицаринского даргинского Н. Р. Сумбатова и Р. О. Муталов противопоставляют «связанные» перифрастические формы «свободным» (bound vs. non-bound periphrastic forms) [Sumbatova, Mutalov 2003: 73]. Я буду условно использовать термин «аналитические» для форм первого рода, и термин «перифрастические» для форм второго рода.

В рассматриваемых в данной статье перифрастических формах используется два вспомогательных глагола. Во-первых, это экзистенциальный глагол⁷, выступающий в формах прогрессива и результата. Экзистенциальный глагол образуется от дейктических основ и имеет вид *li-b* 'EXST.PROX-N', *ti-b* 'EXST.DIST-N', *č'i-b* 'EXST.SUPER-N' или *χi-b* 'EXST.SUB-N' в зависимости от пространственной позиции объекта относительно говорящего. Независимо он употребляется в конструкциях существования, местонахождения ('в этой комнате есть стол'), а также в посессивных конструкциях ('у меня есть книга'). Экзистенциаль-

⁷ Иногда данный глагол называют также «связкой», хотя это не вполне точно. В некоторых диалектах, например, в мегебском, экзистенциальный глагол стал полностью выполнять функции бытийной связки. Поскольку в аштынском диалекте экзистенциальный глагол также маркирует местонахождение объекта относительно говорящего, его также можно назвать «локативным».

ный глагол в 1 и 2 лицах сочетается с личными показателями; его парадигма дефектна и нерегулярна; среди форм экзистенциального глагола отмечу форму простого деепричастия с показателем *-li* (*li-b-li* ‘EXST.PROX-N-CVB’) и форму атрибутива (*li-b-zi-b* ‘EXST.PROX-N-ATR-N’):

	Утвердительная полярность		Отрицательная полярность	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>li-b=da</i> EXST.PROX-N=1/2PL		<i>li-b=a-da</i> EXST.PROX-N=NEG-1/2PL	
2 л.	<i>li-b=di</i> EXST.PROX-N=2SG		<i>li-b=a-di</i> EXST.PROX-N=NEG-2SG	
3 л.	<i>li-b</i> EXST.PROX-N		<i>li-b=ak:u</i> EXST.PROX-N=NEG	

Экзистенциальный глагол является самостоятельным глаголом (хотя и обладающим дефектной парадигмой), а не предикативным показателем, потому что, во-первых, как видно из таблицы, он сам присоединяет предикативные показатели; во-вторых, от него образуются некоторые аспектуально-темпоральные формы. Например, экзистенциальный глагол имеет форму квалитатива:

- (1) *nis:i-la išt'an-t-a-lla ʔaʰdaʰt*
 1PL-GEN аштынец-PL-OBL-GEN адат
li-b-zi-b=di ʔaʰdaʰt
 EXST.PROX-N-ATTR-N=PAST адат
 ‘У нас, у аштынцев, адат **был**, адат’ (из устного текста).

Во-вторых, в качестве вспомогательного элемента в перифрастических формах используются также формы совершенного вида глагола $\sim u\chi/\sim i:\chi^w$ ‘быть, становиться’. Этот глагол имеет полный набор форм. В условных перифрастических формах он используется в синтетических формах условного реального и ирреального. Поскольку в перифрастических формах у данного глагола уже не просматривается собственного значения, я буду глоссировать его в этих контекстах как AUX.

В следующем разделе я буду обозначать синтетические, аналитические и перифрастические формы при помощи ярлыков «синт.», «аналит.» и «перифр.» соответственно.

2.4.2. *Формы индикатива.*

2.4.2.1. *Настоящее общее время (синт.).* Настоящее общее время является синтетической формой, образуемой от основы не-совершенного вида по следующей модели⁸:

	0 (основа)	+1 (тематическая гласная)	+2 (личный показатель)	+3 (множественное число)
1 и 2 л.	Основа импер- фектива	I-TR: -i- II, III-TR: -a- I-INTR, III-INTR: -u-	1: -d(a) 2: -t:-	-a: (только во 2 лице)
3 л.		I-TR, III-INTR: -u I-INTR, III-TR: -a II: -an		

По принятой в аспектологии терминологии [Dahl 1985: 95–102; Плунгян 2011: 398–399], настоящее общее время имеет значение генерического хабитуалиса, т. е. обозначает ситуацию, истинную в общем, вне конкретного временного контекста. Однако в аштынском эта форма, по-видимому, находится на грани исчезновения: многие носители языка не опознают формы настоящего общего в независимом употреблении или с трудом отличают их от форм претерита (в связи со сходством личных окончаний); формы настоящего общего времени преимущественно встречаются в пословицах и других традиционных текстах (таких, как песни), а в живой речи вместо них в соответствующих контекстах чаще всего используются формы презенса или квалитатива.

- (2) *q'ajin=ak:w-a-l e:k^w-li-c:i-j v^wabž*
 труд=без-ADV река-OBL-INTER-EL рыба
b-us-ij b-i:χ^w-a:χ^w-a
 N-поймать.PFV-INF N-стать.IPFV~NEG-PRS.3
 'Без труда из реки рыбку выловить **невозможно**'.
- (3) *ʔa^h-si-w insan-na zu hila-b*
 хороший-ATTR-M человек-GEN имя позади-N

⁸ Здесь и далее я буду использовать следующие сокращения: римская цифра — обозначение типа спряжения; TR — переходный глагол; INTR — непереходный глагол (если выбор окончания или тематической гласной зависит от переходности); 1 — показатель первого лица; 2 — показатель второго лица; 3 — показатель третьего лица.

ka-lug-a

DOWN-оставаться.IPFV-PRS.3

‘Имя хорошего человека **остаётся**’.

- (4) *haril-li-j hat:-ak^w-ib mus:a*
каждый-OBL-DAT UP-рождаться.PFV-PTCP место

b-ik:-a

N-любить.IPFV-PRS.3

‘Каждый **любит** место, в котором он родился’.

- (5) *w-i:q'-u insan-na nuq'-bi*
М-делать.IPFV-PTCP человек-GEN рука-PL

d-u:c:~a:c:-a

NPL-уставать.IPFV~NEG-PRS.3

‘Руки работающего человека **не устают**’.

- (6) *c'ub ʒaʳaʳq'-a-lla ʃuʃa-l daʃʃ juldaʃ=ja*
белый арака-PL-GEN бутылка-IN сто друг=ADD

ka-b-us-a ʒaʳaʳq'-i

DOWN-NPL-помещаться.IPFV-PRS.3 арака-PL

ha-d-e:χ^wa:-li juldaʃ:-i=ja

UP-NPL-исчезать.PFV-3-COND друг-PL=ADD

ha-b-uχ:-a

UP-N-исчезать.IPFV-PRS.3

‘В бутылку белой водки **помещаются** сто друзей; если исчезает водка, **исчезают** и друзья’ (из лирической песни).

Кроме того, сохраняется употребление формы настоящего общего времени от глагола ‘знать’:

- (7) *dam b-aʳk'-uʳ saleħ*
я.DAT N-знать.IPFV-PRS.3 Салих
w-id-až-i ʒaʳli sa:ʳq'-uʳn
М-THITHER-идти.PFV-PRET.3 Али [М]HITHER+идти.PFV-CVB
‘Я **знаю**, что Салих вышел потому, что пришел Али’.

Тенденцию к вытеснению древних синтетических форм настоящего времени на грамматическую периферию в кубачинском отмечал еще А. А. Магомедов: «ослабевают позиции ⟨...⟩ настоящего общего времени в даргинском языке» [Магомедов 1963: 192]. На тот же процесс, уже в масштабе всей даргинской группы, указывает М.-С. М. Мусаев: «...современная форма настоящего

времени даргинского языка является новообразованной грамматической категорией. На начальном же этапе развития даргинского языка ⟨...⟩ значение настоящего времени выражалось иной словоформой глагола: нынешней формой будущего индикативного (эта форма в литературном даргинском языке по своей морфологии соответствует настоящему общему в аштынском и других диалектах. — О. Б.), поскольку ⟨...⟩ она исторически являлась формой настояще-будущего времени» [Мусаев 1983: 35]. Точнее, настоящее общее время в прошлом, вероятно, совмещало значения дуратива (что видно из сохранившихся употреблений с глаголом ‘знать’ (7)), хабитуалиса и будущего времени, причем последнее, скорее всего, производно от второго — именно такое направление грамматикализации засвидетельствовано, в частности, в некоторых нахско-дагестанских языках [Татевосов 2004; Tatevosov 2005]. Формы настоящего общего могли в прошлом использоваться и для прогрессива, но надежных свидетельств этому нет — насколько мне известно, они не употребляются в таком значении ни в одном из даргинских идиомов.

Похожее развитие получили формы настоящего общего и в других даргинских диалектах, например, в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 100–102] и в кайтагском [Темирбулатова 2004: 164]⁹.

⁹ Похожие сценарии диахронического развития наблюдаются и в других нахско-дагестанских языках. Например, в хиналугском языке формы «простого настоящего» весьма малоупотребительны, хотя их семантика пересекается с более частотным презенсом [Кибрик и др. 1972: 168]. По всей видимости, «вытеснение» старых форм презенса на грамматическую периферию или в зону модальности в целом характерно для языков кавказского ареала и смежных с ним зон. Как отмечает Д. Стило [Stilo 2011], вытеснение старого презенса в область сослагательного наклонения и/или будущего времени в ходе грамматикализации новой формы настоящего времени можно считать ареальным явлением, характерным для северо-западного Ирана и Закавказья. Так, в современном восточноармянском языке древнеармянские окончания настоящего времени используются в функции будущего времени сослагательного наклонения; старая функция у этих форм сохраняется, во-первых, у ограниченного числа глаголов, например *gitel* ‘знать’; во-вторых, в пословицах и идиоматических выражениях, например *ov kard-a na mard a* (кто читать-SBJV.FUT.3SG тот человек COP.PRS.3SG) ‘Кто читает — тот человек’ [Dum-Tragut 2009: 240]. Нетрудно заметить, что эти два употребле-

2.4.2.2. Презенс (аналитический). Презенс — аналитическая форма, образуемая от основы имперфектива по следующей модели:

0 (основа)	1 (показатель настоящего времени)	Предикативный показатель
Основа имперфектива	I, III: -ul II: -un	1/2PL: =da 2SG: =di 3: Ø/-ni (у II спряжения) PAST: =di

Презенс в аштынском диалекте является наиболее частотной и наименее маркированной формой настоящего времени. Он используется для обозначения как актуально-длительных (8), так и хабитуальных итеративных (9) и генерических (10)–(11) ситуаций. Кроме того, презенс используется в значении ближайшего будущего или проспектива (12)–(13).

- (8) *di-la uc:i-l kavaj ka-b-i:g-ul*
я-GEN брат-ERG письмо DOWN-N-писать.IPFV-PRS[3]
'Мой брат **пишет** письмо' {сейчас}.
- (9) *har baj ta-j-u^hh-uⁿ=da*
каждый день FRONT-EL-[M]видеть.IPFV-PRS=1
'Я каждый день (его) **вижу**'.
- (10) *ulb-ad-i kammi b-u^hh-uⁿ=da*
глаз-PL-DAT мало N=видеть.IPFV-PRS=1
'Глаза (у меня) плохо **видят**'.
- (11) *dil b-uč'-un=da ?a^b dus-li-ži-j*
я-ERG N-читать.IPFV-PRS=1 три год-OBL-SUPER-EL
'Я **читаю** с трех лет'.
- (12) *w-aš ij-an — k'e:na*
M-идти.PFV[IMP] DEM-LOC сейчас

ния армянского сослагательного наклонения аналогичны употреблению настоящего общего в аштынском (примеры (7) и (2)–(6) соответственно). Похожее развитие получили формы презенса и в западноиранских языках, а также в новоарамейских диалектах [Stilo 2011]. О развитии значений «старых» форм настоящего времени в типологической перспективе см. также [Haspelmath 1998].

sax-un=da

[M]HITHER+идти.IPFV-PRS=1

‘Иди сюда. Сейчас, **иду!**’

(13) *di-l kakaj-ti ka-d-i:g-ul=da*

1SG-ERG письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-PRS=1

‘Я **буду писать** письма’ {прямо сейчас}.

В сочетании с показателем ретроспективного сдвига аспектуальное значение презенса сохраняется: он обозначает актуально-длительную или хабитуальную ситуацию, привязанную во времени к другому действию, совершаемому до момента речи:

(14) *du qil w-e:n-ha^h:q'-u'n-he;* *it-dil*

я дом M-IN-[M]UP+идти.PFV-CVB-SEQ.CONT DEM-ERG

juz b-uč'-un=di

книга N-читать.IPFV-PRS=PAST

‘Когда я зашел в дом, он **читал** книгу’.

Пример (14) может создать впечатление, что формы презенса не обладают собственным временным значением, но лишь выражают имперфективный аспект, а временная референция задается предикативным показателем. Эта интерпретация, однако, не вполне корректна по следующей причине: показатель ретроспективного сдвига обозначает не собственно референцию к прошлому, а соотнесенность действия, выраженного формой презенса, с другим действием в прошлом. Именно поэтому формы презенса с ретроспективным сдвигом употребляются преимущественно в сложных предложениях с придаточными времени, как в (14). Немаркированной формой имперфективного прошедшего времени является претерит, образованный от основы имперфектива (см. ниже). Именно поэтому, на мой взгляд, референцию к настоящему времени (или к нарративному времени, в случае настоящего исторического¹⁰) следует считать встроенной в семантику презенса; в примерах типа (14) лишь происходит перенос «точки отсчета» к другому действию в прошлом.

¹⁰ К сожалению, примеры на употребление аштынского презенса в значении настоящего исторического мне не встретились, однако аналогичные формы в других даргинских языках, например, в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 87], способны выполнять такую функцию.

2.4.2.3. Прогрессив (аналитический).

0 (основа)	+1 (показатель основы настоящего времени)	Экзистенциальная связка
Основа имперфектива	I, III: -ul II: -un	li-b, ti-b, č'i-b, χi-b

Прогрессив в аштынском диалекте используется для обозначения актуально-длительной ситуации, как правило, непосредственно наблюдаемой или наблюдавшейся говорящим. При этом в связи с тем, что в составе этой словоформы имеется экзистенциальная (локативная) связка, обязательным является указание на пространственную локализацию ситуации относительно говорящего:

- (15) $u^{\acute{c}}q'-u^{\acute{c}}n$ $ti-w=di$
 [М]идти.IPFV-CVB EXST.DIST-M=PAST
 '(Он) шел' {в отдалении от говорящего, в какой-то момент в прошлом}.
- (16) $u^{\acute{c}}q'-u^{\acute{c}}n$ $ti-w$
 [М]идти.IPFV-CVB EXST.DIST-M[3]
 '(Он) идет' {в отдалении от говорящего, в данный момент}.
- (17) $u^{\acute{c}}q'-u^{\acute{c}}n$ $li-w$
 [М]идти.IPFV-CVB EXST.PROX-M[3]
 '(Он) идет' {рядом с говорящим, в данный момент}.
- (18) $b-u\acute{c}'-un$ $li-w$
 N-читать.IPFV-CVB EXST.PROX-M[3]
 '(Он) читает' {рядом с говорящим, в данный момент}.

Как было указано выше, в актуально-длительном значении может употребляться также презенс, поэтому во многих случаях формы презенса и прогрессива взаимозаменяемы. В отличие от презенса, передающего более общее значение имперфективности, данная форма является специализированным средством выражения актуально-длительного действия.

2.4.2.4. *Квалитатив (аналит.)*.

0 (основа)	+1 (показатель причастия)	+2 (атрибутив)	Предикативный показатель
Основа имперфектива	I, III: -u II: -un	-zi=b	1/2PL: =da 2SG: =di 3: =sa-b PAST: =di

Значение аштынского квалитатива является наиболее сложным для описания из всех аспектуально-темпоральных граммем аштынского диалекта. Эта форма обозначает действие, интерпретируемое как постоянное свойство субъекта, что в точности соответствует существующим в типологии определениям хабитуалиса [Плунгян 2011: 398]. Однако для выражения того же значения в аштынском языке существует как малоупотребительное настоящее общее время, так и вполне живой презенс, используемый как в генерических, так и в итеративных контекстах. В связи с этим возникает вопрос, какую функцию выполняет в языке еще одна хабитуальная форма.

Из имеющихся данных об аштынском диалекте можно сделать следующий вывод: формы презенса употребляются в хабитуальных контекстах в том случае, если ситуация или регулярно повторяется с течением времени (как в примере 9), или представляет собой более или менее постоянное состояние субъекта (как в примерах 10–11). Употребление же формы квалитатива не предполагает какой-либо повторяемости или постоянства в течение некоторого периода времени. Пользуясь терминологией Г. Карлсона [Carlson 1980] и Т. В. Булыгиной [Булыгина 1997], квалитатив обозначает один из подклассов предикатов «индивидуального уровня», или «качеств»¹¹. Специально о значении квалитатива (среди других значений «индивидуального уровня») см. также [Shlunsky 2009: 186–188].

Так, пример (19) может относиться к человеку, который давно не танцевал и не планирует этого делать в обозримом бу-

¹¹ Настоящее общее в аштынском также выражает «качества», а не «явления», однако его употребление ограничено сферой «общих истин» (значение, иногда относимое к эвиденциальным, ср. [Плунгян 2011: 467]).

дущем; а пример (20) — человеку, который уже много лет не ездит на машине, потому что у него нет возможности ее купить (но если бы такая возможность была, он бы постоянно менял машины).

Таким образом, в форме квалитатива определенно присутствует модальный компонент возможности. На это указывает и тот факт, что аналогичные по образованию формы в литературном даргинском языке и в других диалектах исследователи относят к облигативу [Муталов 2002: 112–115]. Однако я считаю более точным отнесение этой формы к индикативу, поскольку в аштынском диалекте она может употребляться в гораздо более широком круге контекстов, чем типичные конструкции возможности (так, перевод примера (20) как ‘он может продать машину’ не является корректным, т. к. русское предложение содержит импликацию наличия у субъекта автомобиля, который он мог бы продать).

- (19) *id-i-j* ***b-ik:-u-zi-w=sa-w***
DEM-OBL-DAT N-любить.IPFV-PTCP-ATTR-M=COP-M
w-id-añ-ij
M-THITHER-танцевать.IPFV-INF
‘Он **любит** танцевать’ {комментарий носителя языка: «он, может быть, десять лет уже не танцевал, но в любой момент может, если захочет»}.
- (20) *iχ-til* *mašin* ***b-i:s-u-zi-w=sa-w***
DEM-ERG машина N-продавать.IPFV-PTCP-ATTR-M=COP-M
‘Он **продает** машину’ {Агенс таков, что не может долго ездить на одной машине; поэтому, если он покупает новую машину, он вскоре ее продает (по комментарию носителя языка)}.
- (21) *je* *duna* *w-ibč’-ib-il-li*
DEM мир M-умереть.PFV-PRET-ATTR-ERG
b-a:t-u-zi-b
N-оставить.IPFV-PTCP-ATTR-N
‘Умерший **оставляет** этот мир’ {т. е. умершим свойственно уходить из мира¹²} (из лирической песни).

¹² Поскольку в примере (21) причастие согласуется по абсолютному участнику (‘мир’), а не по эргативному участнику (‘умерший’), как можно было бы ожидать (ср. (20)), возможно, в данном случае речь

В сочетании с показателем ретроспективного сдвига форма квалитатива не претерпевает существенных семантических изменений. Ср. (22), где вопрос ‘знал ли ты раньше моего брата?’ формулируется как ‘был ли ты знающим моего брата’, т. е. обладал ли собеседник тем свойством, что он знаком с братом говорящего. Очевидно, что такой контекст не предполагает ни повторяемости, ни генеричности, и поэтому здесь употребляется именно квалитатив.

- (22) *di-la uc:i at:i tal*
 1SG-GEN брат 2SG.DAT¹³ раньше
w-a'k'-u^ε-zi-w=di:?
 M-знать.IPFV-PRS-ATTR-M=PAST+Q
 ‘Ты раньше **знал** моего брата?’ {до того, как приехал сюда}.

Формы, аналогичные аштынскому квалитативу как морфологически, так и семантически, засвидетельствованы и в кайтагском диалекте, где они образуются от причастий настоящего времени на *-an* при помощи атрибутивного суффикса *-il-*, например: *b-alk-an-il=da* (N-знать.IPFV-PTCP-ATTR=1) ‘есмы знающий’ [Темирбулатова 2004: 165].

Специализированный показатель квалитатива является достаточно редким явлением в языках мира. Так, А. Б. Шлуинский [Shluinsky 2009: 186–188] приводит лишь три языка, в которых имеются специализированные показатели с этим значением: нивхский (суффикс *-ху-*), селькупский (показатель *-ту-*) и агульский («интенционалис» с показателем *-je-f-*).

Помимо собственно квалитативного употребления, представленного выше, формы квалитатива употребляются также в нарративных текстах о традиционных обрядах, обычаях и т. п. Например:

- (23) *hani ʔa^ε-gna^ε s:us:up:-a-ʒi*
 лето три-раза черемша-PL-SUPER
b-ax-u-ʒu-b=di *ʔa^ε-gna^ε*
 HPL-идти.IPFV-PRS-PART.PL-HPL=PAST три-раза

идёт о свойстве мира, а не умершего (т. е. пример скорее следует переводить как ‘мир таков, что умершие его оставляют’).

¹³ Субъект знания, равно как и экспериенцер глаголов чувственного восприятия, в аштынском маркируется дативом.

<i>žehil-žu-b</i>	<i>jus-bi</i>
молодой-ATTR.PL-HPL	девушка-PL
<i>žehil-žu-b</i>	<i>gul-i</i>
молодой-ATTR.PL-HPL	парень-PL

‘Летом три раза за черемшой **ходили**, три раза молодые девушки, молодые парни’ (из устного текста).

Такое использование форм квалитатива можно трактовать как частный случай общего значения «свойства»: выполнение тех или иных действий было свойственно говорящему, или его односельчанам, в прошлом. С другой стороны, здесь можно видеть проявление оппозиции между причастными и не-причастными формами в духе отмеченной в статье [Майсак, настоящий сборник] для агульского языка. А именно, аналитические формы с полными причастиями (в противовес аналитическим формам с деепричастиями) используются для обозначения ситуаций, которые входят в общий «фонд знаний» говорящего и собеседника. Очевидно, что обычаи и традиции относятся к такому классу ситуаций. При этом следует заметить, что, как видно из предшествующих примеров, такого рода пресуппозиция не входит в основной круг значений квалитатива, для которого центральной все же следует признать собственно аспектуальную семантику.

2.4.2.5. Претерит (синт.).

	0 (основа)	+1 (тематическая гласная)	+2 (личный показатель)	+3 (множественное число)
1 и 2 лицо	основа перфектива	I: -a- II, III: -i-	1: -d(a) 2: -t:i	-a: (только во 2 лице)
3 лицо	или основа им- перфектива	I-INTR, III: -aj I-TR: -i II: -in		

При этом, по общим правилам, -t:i + -a: > -t:a:

Претерит выражает ситуацию, локализованную в прошлом, без какой-либо привязки к настоящему времени. Аспектуальная характеристика ситуации определяется выбором основы: основа перфектива соответствует ситуации, полностью находящейся в «окне наблюдения» [Klein 1994], а имперфективная основа обозначает ситуацию, начало и конец которой лежат вне этого «окна»:

- (24) *murad-li kavaĵ-ti ka-d-i:g-aj*
 Мурад-ERG письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-PRET.3
selsawet-li
 сельсовет-IN
 ‘Мурад **писал** письма в сельсовете’ {когда он там работал}.
- (25) *di-la uc:i-l-dil ili-zi-b juz*
 я-GEN брат-OBL-ERG DEM-ATTR-N книга
b-ilč'-in *tala-l*
 N-читать.PFV-PRET.3 перед-ADV
 ‘Мой брат уже **прочитал** раньше эту книгу’ (в этом же контексте можно употребить также форму экспериментива, см. ниже).
- (26) *qaša-xaša=ja w-ax-u,*
 верхнее.село-нижнее.село=ADD M-идти:IPF-CVB
miĵ-la t:ap:-i=ja d-ilč-in
 железо-GEN обувь-PL=ADD NPL-протираться.PFV-PRET.3
 ‘Вверх-вниз по селу (я) ходил, и (моя) железная обувь **износилась**’ (из лирической песни).

Интересно отметить, что аштынскому и кубачинскому претериту в других диалектах соответствуют формы хабитуалиса в прошлом, или *пред-хабитуалиса* в терминологии Р. О. Муталова [Муталов 2002: 167]. Например, именно такое значение имеют формы с аналогичными наборами окончаний в ицаринском [Sumbatova, Motalov 2003: 91] и кайтагском языках [Темирбулатова 2004: 156]. Формы совершенного вида прошедшего времени в даргинских языках обычно образуются при помощи показателей *-ib/-ur/-un*, которые в аштынском используются только как (дее)причастные. Возможность употребления претерита с перфективной основой, а также расширение хабитуального значения до немаркированного имперфектива являются, таким образом, инновациями кубачинского языка.

2.4.2.6. Перфект/эвиденциалис (аналит.).

0 (основа)	+1 (показатель основы перфекта)	Предикативный показатель
основа перфектива или основа имперфектива	I, III: -ip:i II: -unni	1/2PL: =da 2SG: =di 3: Ø PAST: =di

Перфект в аштынском диалекте имеет как свое аспектуальное значение, так и эвиденциальное значение косвенной засвидетельствованности:

- (27) *di-la uc:i-l miq b-a:q'-ip:i*
 я-GEN брат-ERG свадьба N-делать.PFV-PERF[3]
 ‘Мой брат **женился**’ {уже женат}.
- (28) *le(b)il juz b-ilč'-un*
 весь⟨N⟩ книга N-читать.PFV-CVB
taman-b-a:q'-ip:i
 конец-N-делать.PFV-PERF[3]
 ‘Он **прочел** всю книгу’.
- (29) *c'ub ʔaʳaʳq'-i-lla šuša d-uč:-uli*
 белый арака-PL-GEN бутылка NPL-пить.IPFV-CVB
kiž-ip:i=wa *k:azaχist:an-na talqan*
 DOWN+сидеть.PFV-PERF[3]=PTCL Казахстан-GEN хан
 ‘(Мой друг) с бутылкой водки белой **сидит**, наверное, пьет, как казахстанский хан’, букв. ‘выпивая бутылку белой водки, сидит, казахстанский хан’ (из лирической песни).

Однако в некоторых случаях для придания высказыванию однозначно эвиденциальной семантики (в противовес простому аспектуальному значению перфекта/результатива) может использоваться показатель ретроспективного сдвига:

- (30) *di-la uc:i-l miq b-a:q'-ip:i=di*
 я-GEN брат-ERG свадьба N-делать.PFV-PERF=PAST
 ‘Мой брат **женился**’ {а я не видел}.

Формы этой серии могут также образовываться от основы имперфектива, где они имеют только эвиденциальное значение:

- (31) *uc:i-l kavaj-ti ka-d-i:ž-ip:i*
 брат-ERG письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-PERF
selsawet-li
 сельсовет-IN
 ‘Мой брат **писал** письма в сельсовет’ {контекст: говорящий разговаривал с братом по телефону, т. е. не видел его}.

Возможность употребления форм перфекта (изначально образованных от причастия совершенного вида на *-ib/-ur/-un* при

помощи обстоятельственного показателя *-li* [Мусаев 1983: 25]) с основой имперфектива в эвиденциальном значении говорит о том, что значение эвиденциальности у этой формы является достаточно грамматикализованным и воспринимается как самостоятельное, уже вполне обособившееся от исходной семантики перфекта.

2.4.2.7. *Субъективный результатив (перифр.)*

0 (основа)	+1 (показатель причастия)	Экзистенциальная связка
основа перфектива	I, III: -ib II: -un	li-b, ti-b, č'i-b, χi-b

Субъективный результатив употребляется только с непереходными глаголами и обозначает результат предельного процесса, доступный непосредственному восприятию:

(32) *murad sa:ʹqʹ-uʹn li-w*
Мурад HITHER+идти:PFV-CVB EXST.PROX-M
'Мурад (уже) **дошел** (сюда)'.

(33) **(di-l) juz b-ilčʹ-un li-w*
я-ERG книга N-читать:PFV-CVB EXST.PROX-M
'Я **прочел** книгу'.

Замечу, что термин «субъективный результатив», выбранный мною для данной формы, является в значительной степени предварительным: примеров на ее употребление в моем распоряжении пока недостаточно для более точных утверждений. Несомненными являются два компонента значения этой формы: отнесенность действия к (недавнему) прошлому и доступность результата действия непосредственному восприятию.

Формы, аналогичные по структуре и употреблению аштынским прогрессиву и результативу, засвидетельствованы также в тантынском диалекте [Сумбатова 2010: 54–55]. Н. Р. Сумбатова отмечает параллелизм между употреблением экзистенциального глагола в независимом предложении и в аналитических формах. А именно: аналитические формы с экзистенциальным глаголом или обладают семантикой существования ('Мама мне подарила кольцо [и оно у меня есть]'), или передают значение недавнего

прошлого, или, в настоящем времени, используются в презентативных предложениях ('Вон по дороге идет моя сестра'). Употребление форм прогрессива и субъектного результата в аштынском, по-видимому, несколько уже, чем в тантынском, однако и здесь можно видеть сохранение исходной экзистенциальной семантики, отмеченное Н. Р. Сумбатовой: прогрессив, как правило, обозначает ситуацию, разворачивающуюся или разворачивавшуюся на глазах у говорящего; субъектный же результатив обозначает ситуацию, результат которой доступен непосредственно восприятию в момент речи.

2.4.2.8. *Экспериентив (аналит.)*. Экспериентив¹⁴ образуется путем сочетания полной формы причастия прошедшего времени и предикативного показателя в 1 и 2 лицах, связки в 3 лице. Таким образом, единственное отличие экспериентива от качественатива — в форме причастия (перфективное vs. имперфективное).

0 (основа)	+1 (показатель причастия)	+2 (атрибутив)	Предикативный показатель
Основа перфектива	I, III: -ib II: -un	-zi-b	1/2PL: =da 2SG: =di 3: =sa-b PAST: =di

Аштынский экспериентив обладает стандартным экспериентивным значением [Вострикова 2010]:

- (34) *a-la uc:i u^hlh-uⁿzi-w=da*
ты-GEN брат [М]видеть.PFV-PTCP-ATTR-M=1
'Я **видел** твоего брата' (т. е. 'мне приходилось его видеть').

В сочетании с ретроспективным сдвигом экспериентив сохраняет свое аспектуальное значение:

- (35) *dammij čum žinaj ta^h-j-u^hlh-uⁿzi-w=di*
я:DAT сколько раз ANTE-EL-видеть.PFV-PTCP-ATTR-M=PAST

¹⁴ В даргиноведческих работах аналогичные формы в других диалектах называют также формами результатаива [Муталов 2002: 100–102].

a-la uc:i

ты-GEN брат

{Ты знал моего брата, который умер в прошлом году?}
'(Да,) я его **видел** несколько раз'.

Интересно, что несмотря на то, что данная форма выражает состояние субъекта в некоторый момент времени, показатель ретроспективного сдвига в данном случае перемещает не точку отсчета состояния субъекта, а точку отсчета самого момента действия. То есть, экспериентив в данном случае все равно выражает состояние говорящего в момент речи (или в «нарративном времени») — 'я сейчас таков, что я его видел'; ретроспективный сдвиг лишь свидетельствует о том, что встречи говорящего с умершим происходили до определенного момента в прошлом, заданного дискурсивным контекстом.

2.4.2.9. Будущее время (аналит.).

0 (основа)	+1 (показатель основы будущего времени)	Предикативный показатель
основа перфектива или основа имперфектива	-an	1/2PL: =da 2SG: =di 3: -ni PAST: =di

Образуется от основы перфектива или имперфектива.

(36) *di-l at:i kavaĵ ka-b-ig-an=da*
я-ERG ты:DAT письмо DOWN-N-писать.PFV-FUT=1
'Я **напишу** тебе письмо'.

(37) *di-la uc:i kavaĵ-ti ka-d-i:g-an-ni*
я-GEN брат письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-FUT-3
'Мой брат **будет писать** письма'.

Будущее время с ретроспективным сдвигом используется в аподосисе сложных предложений с ирреальным (контрафактическим или воображаемым) условием (ирреальный имплицатив):

(38) *aj di-la š:iš:im-ala ag-a:-dil šin*
PTCL я-GEN печаль-PL.COLL статья.PFV-COND.3-IRR вода
ʒaʳaʳq'-i, di-la aʷ-la gul-ad-dil
арака-PL я-GEN возраст-GEN парень-PL-ERG

d-uč *allaj* *d-uč:-iq-an=di*

NPL-пить.IPFV PTCL NPL-пить.IPFV-CAUS-FUT=PAST

‘Если б печали мои превратились в капли пьянящей воды, ровесников моих, ребят, **напоил бы** их ею всех подряд’ (из лирической песни).

Подобно претериту и перфекту, будущее время исторически образовывалось только от одной основы — основы имперфектива [Муталов 2002: 108–109]. Таким образом, здесь также наблюдается характерная для аштынского диалекта тенденция к расширению сочетаемости видовых основ.

2.4.3. Условные формы.

2.4.3.1. *Условное реальное (синт.)*. Синтетическая форма условного реального образуется от любой из двух глагольных основ по следующей схеме:

	0 (основа)	+1 (тематическая гласная)	+2 (лицо)	+3 (число)	+4 (показатель на- клонения)
1 и 2 лицо	основа перфектива или основа имперфектива	TR: -i-	1: -d-	-a:-	-li
3 лицо		I, III: -a:- II: -an-			

При этом, по общим правилам, *-d-li > -lli*, *-t:-li > -t:i*, *-an-li > -an-ni*.

Формы условного реального употребляются исключительно в контекстах реального условия в будущем. Для реального условия в других временах используются перифрастические формы или условное хабитуальное (см. ниже):

(39) *ijal* *di-l* *kavaj* *ka-b-iž-i-l-li*,

сегодня я-ERG письмо DOWN-N-писать.PFV-TR-1-COND

čawal-li-j *či-b-d-ik-an-ni*

завтра-OBL-EL SUPER-N-THITHER-достигать.IPFV-FUT-3

id-š:u

DEM-AD

‘Если я сегодня **напишу** письмо, завтра оно до него дойдет’.

- (40) *čawal du šahar-ri-c:i u⁶q'~a⁶q'-a⁶-l-li,*
 завтра я город-OBL-INTER [М]идти.IPFV~NEG-INTR-1-COND
t'aš=w-ic:-an=da at:ij
 <остаться>ST=M-стоять.PFV-FUT=1 ты:DAT
kumak b-a:q'-ij
 помощь N-делать.PFV-INF
 ‘Если я завтра не поеду в город, то я останусь и тебе помогу’.

2.4.3.2. Условное ирреальное (синт.). Синтетическая форма условного ирреального образуется от любой из двух глагольных основ по следующей схеме:

	0 (основа)	+1 (тематический гласный)	+2 (лицо)	+3 (число)	+4 (показатель наклонения)
1 и 2 лицо	основа перфектива	TR: -i- INTR: -u-	1: -d- 2: -ti-	-a:-	-dil
3 лицо	или основа им- перфектива	I, III: -a:- II: -an-			

Обозначает контрафактическое условие в прошлом:

- (41) *du s:a uč:~ač:-u-d-dil, ijaj*
 я вчера [М]пить.IPFV~NEG-INTR-1-IRR сегодня
bik' ic:-an-n=a-di
 голова болеть.IPFV-FUT-3=NEG-PAST
 ‘Если бы я вчера не пил, голова бы сегодня не болела’.

В независимом предложении эта форма выражает желание:

- (42) *pat'imat-li t'ut' b-ec'-a:-dil!*
 Патимат-ERG хлеб N-печь.PFV-3-IRR
 ‘Хорошо бы, если бы Патимат испекла хлеб’.
- (43) *čawal-li-j d-i:s-ib*
 завтра-OBL-EL NPL-стирать.PFV-CVB
taman=d-a:q'-a:-dil li(d)he:
 <заканчивать>конец=NPL-делать.PFV-3-IRR весь<NPL>
paltar
 одежда
 ‘Хорошо бы, завтра (она) достирала всю одежду’.

2.4.3.3. Условное хабитуальное реальное (синт.). Формы условного хабитуального реального образуются от основы имперфектива по следующей схеме:

	0 (основа)	+1 (хабиту- алис)	+2 (тематическая гласная)	+3 (лицо)	+4 (число + модальность)
1 и 2 лицо	основа импер- фектива	-aχ:-	-a-	1: -d- 2: -t:-	-a:li
3 лицо			-an		

Данная форма является синтетической, хотя показатель -aχ:-, скорее всего, восходит к вспомогательному глаголу [Магомедов 1963: 209210]. При этом личные окончания сходны с окончаниями настоящего общего времени (ср. в особенности показатель 3 лица -an, который встречается только в настоящем общем, но не в претерите), что позволяет говорить о том, что в хабитуальных условных формах исторически употреблялся вспомогательный глагол в форме настоящего общего.

Данная форма обозначает хабитуальное действие в настоящем, рассматриваемое как условие (либо фактивное, либо такое, об истинности которого говорящему в точности неизвестно):

- (44) *a-la uc:i ʔaʕʕi-l w-i:q'-aχ:-an*
 ты-GEN брат работа-ERG M-делать.IPFV-HAB.COND-3
selsawet-li-w, kawaj b-a:q'-ij kumak
 сельсовет-IN-M бумага N-делать.PFV-INF помощь
b-a:q'-ij ʔaʕʕwʕnil=sa-w
 N-делать.PFV-INF должен=COP-M
 ‘Если (или раз) твой брат работает в сельсовете, он должен помочь мне сделать бумажку’.

Эта форма также используется для выражения условия в ближайшем будущем, причем в таких контекстах хабитуальная семантика необязательна:

- (45) *k'e:na durc:-i d-i:q'-aχ:-a-t,*
 сейчас урок-PL NPL-делать.IPFV-HAB.COND-TH-2
uniwersitet-li ku:χ-an=di
 университет-IN [M]DOWN+идти.PFV-FUT=2
 ‘Если сейчас сядешь уроки делать, то поступишь в университет’.

2.4.3.4. Условное хабитуальное ирреальное (синт.). Формы условного ирреального хабитуалиса образуются от основы имперфектива по следующей схеме:

	0 (основа)	1 (хабитуалис)	2 (тематическая гласная)	3 (лицо)	4 (число)	5 (показатель ирреалиса)
1 и 2 лицо	основа имперфектива	-аχ:-	-а-	1: -d- 2: -t:i-	-а:-	-dil
3 лицо			-an-			

При этом, по общим правилам, -t:i + -а: > -t:a:

Эти формы обозначают хабитуальное контрафактическое или воображаемое условие, причем временная локализация не играет роли:

(46) *har baj durc:i d-i:q'-aχ:-a-d-dil,*
каждый день урок-PL NPL-делать.IPFV-HAB.COND-TH-1-IRR
uniwersitet-li ku:χ-an=di
университет-IN [M]DOWN+идти.PFV-FUT=PAST
'Если бы я каждый день делал уроки, я бы поступил в университет'.

(47) *di-l i-š:u ka vaj-ti*
я-ERG DEM-AD письмо-PL
ka-d-i:g-aχ:-a-d-dil, *il-š:u*
DOWN-NPL-писать.IPFV-HAB.COND-TH-1-IRR DEM-AD
čit:-i:β-an=di
SUB-достичь.IPFV-FUT=PAST
'Если бы я (раньше) писал ему письма, (они) до него бы доходили'.

(48) *du har baj iχ-š:u balnic:a-l*
я каждый день DEM-AD больница-IN
w-ax~ax-aχ:-a-d-dil, *iχ*
M-идти.IPFV~NEG-HAB.COND-TH-1-IRR DEM
tap b-it'-ib ubk'-an=di
скука N-надоеть.PFV-CVB [M]умереть.PFV-FUT=PAST
'Если бы я не ходил к нему в больницу каждый день, он бы умер от скуки'.

Подобно реальным хабитуальным условным формам, ирреальные также могут обозначать ближайшее будущее без какого-либо хабитуального компонента:

- (49) *du čawal šahar-ri-c:i*
 я завтра город-OBL-INTER
uq'-aχ:-a-d-dil *di-l at:ij*
 [M]идти.IPFV-НАВ.COND-TH-1-IRR я-ERG ты:DAT
kumak b-i:q'-an=di
 помощь N-делать.IPFV-FUT=PAST
 'Если бы я завтра ехал в город, я бы тебе помог'.

2.4.3.5. *Перифрастические условные формы.* Условные формы, соответствующие аспектуально-темпоральным категориям, не выражаемым финитными условными формами, образуются перифрастически. Общая схема построения перифрастических условных форм такова: к нефинитной форме (причастию или деепричастию) прибавляется вспомогательный глагол *uχ-* 'становиться.PFV' в форме условного реального или ирреального (для реального и воображаемого/контрафактического условий соответственно). В условных формах, которым соответствуют аналитические формы индикатива (кроме будущего), используются те же причастия/деепричастия, что и в соответствующих индикативных формах; таким образом, вспомогательный глагол заменяет собой предикативный показатель или связку. В условном претерите и условном аналитическом будущем используются полные формы причастий прошедшего и настоящего времен соответственно¹⁵.

	Форма 3 лица	Условная ирреальная форма	Условная реальная форма
Настоящее время	<i>-ul/-un</i>	<i>-ul/-un uχa:dil</i>	<i>-ul/-un uχa:li</i>
Претерит	<i>-aj/-i/-in</i>	<i>-ib/-un-zi=b uχa:dil</i>	<i>-ib/-un-zi=b uχa:li</i>
Перфект	<i>-ip:i/-unni</i>	<i>-ip:i/-unni uχa:dil</i>	<i>-ip:i/-unni uχa:li</i>
Будущее время	<i>-an-ni</i>	<i>-u/-un-zi=b uχa:dil</i>	<i>-u/-un-zi=b uχa:li</i>

¹⁵ С формальной точки зрения условный претерит параллелен экспериентиву, а условное будущее — квалитативу, хотя семантически между ними нет, естественно, никакой связи.

Перифрастические условные формы отличаются высокой степенью композициональности: в них значение исходной индикативной видо-временной формы соединяется с соответствующим модальным значением (реальное/ирреальное условие). Исключение составляют формы условного презенса, который употребляется только в качестве прогрессива/дуратива. Это связано с тем, что для хабитуальных значений в системе кондиционалиса имеется особая пара синтетических форм.

- (50) *k'e:na durc:-i d-i:q'-ul*
сейчас урок-PL NPL-делать:IPF-PRS
ux-u-t:-i muzika-l-gu
[M]статья.PFV-INTR-2-COND музыка-OBL-SUB
si-li-j la'g=u'jk-u'l=di?
что-OBL-DAT <слушать>ST=[M]LV-PRS=2
'Если ты сейчас делаешь уроки, то почему ты слушаешь музыку?'

- (51) *s:a u-dil ha-ʔ-ib-zi-w*
вчера ты-ERG UP-сказать.PFV-PART-ATR-M
ux-u-d-dil nus:a-d-dil at:ij kumak
[M]статья.PFV-INTR-2-IRR мы-OBL-ERG ты:DAT помощь
b-i:q'-an=di
N-делать.IPFV-FUT=PAST
'Если бы ты вчера нам сказал, мы бы помогли.'

Перифрастические условные формы употребляются аналогично синтетическим, в частности, формы условного ирреального могут означать не только условие, но и желание. Композициональность перифрастических форм хорошо видна из следующей пары примеров:

- (52) а. *čawal-li-j d-i:s-ib-zi-b*
завтра-OBL-EL NPL-стирать.PFV-PTCP-ATTR-N
d-ux-a:-dil li(d)he: paltar
NPL-статья.PFV-3-IRR весь(NPL) одежда
'Постирала бы она до завтра всю одежду!' {говорящий видит или будет видеть, как женщина стирает одежду}.

- б. *čawal-li-j d-i:s-ip:i d-ux-a:-dil*
завтра-OBL-EL N-стирать.PFV-PERF NPL-статья:PF-3-IRR

li(d)he: paltar
 весь⟨NPL⟩ одежда

‘**Постирала бы** она до завтра всю одежду!’ {говорящий отдал одежду стирать и не видит, как женщина стирает}.

В примере (52а) сохраняется значение прямой засвидетельствованности, содержащееся в индикативном претерите, а в примере (52б) — эвиденциальное значение, присущее перфекту.

2.4.3.6. *Видо-временная система в условных формах: обзор.* Как видно из проведенного обзора, видо-временная система форм условного наклонения существенно отличается от видо-временной системы индикатива: в кондиционалисе для всех хабитуальных значений имеется особая синтетическая финитная парадигма; оппозиция условных форм прошедшего времени сводится к оппозиции условных претерита и перфекта. Соответствие форм индикатива и кондиционалиса представлено в следующей таблице:

Индикатив	Кондиционалис реальный	Кондиционалис ирреальный
Настоящее общее	Условное хабитуальное (синт.)	
Квалитатив		
Презенс	Условный презенс (перифр.)	
Прогрессив		
Претерит	Условный претерит (ан.)	Условное ирреальное (синт.)
Экспериентив		[Условный претерит (перифр.)]
Результатив	Условный перфект (перифр.)	
Перфект		
Будущее время	Условное реальное (синт.) [Условное будущее (перифр.)]	Условное будущее (перифр.)

Таким образом, в количественном плане число видо-временных парадигм в кондиционалисе меньше, чем число таких парадигм в индикативе, что само по себе встречается во многих языках мира. Однако ситуация в аштынском сложнее, поскольку различается не только количество, но и распределение условных форм. Так, в отличие от индикатива, в кондиционалисе все хаби-

туальные значения объединяются в единую синтетическую парадигму; причем, в отличие от индикатива, условный презенс употребляется исключительно в актуально-длительных контекстах.

При этом личные окончания хабитуальных условных форм совпадают с личными окончаниями настоящего общего времени. В связи с этим можно предположить, что, в то время как формы настоящего общего времени в индикативе утратили большинство своих хабитуальных употреблений, соответствующие формы кондиционалиса, не воспринимаемые более как часть той же видо-временной парадигмы, сохранили свое прежнее значение. Это предположение подтверждается тем, что условные хабитуальные формы могут также обозначать не-хабитуальное условие в ближайшем будущем, что соответствует той гипотезе, что формы настоящего общего времени в прошлом использовались для настоящего-будущего (непрошедшего) времени [Мусаев 1983: 42–43].

Интересно, что в некоторых других даргинских языках, например, в ицаринском, формы, аналогичные по образованию аштынскому условному хабитуалису, обладают модальным интенциональным значением [Муталов 2002: 130–131; Sumbatova, Mutalov 2003: 106–107]. По мнению Р. О. Муталова, суффикс *-aχ*: в этих формах восходит к вспомогательному глаголу *~uχ/~i:χ^w* ‘мочь’ [Муталов 2002: 131]; из этого значения легко выводится интенциональное, но не хабитуальное. Однако этот же глагол помимо значения ‘мочь’ в аштынском имеет значение ‘становиться’, и именно он употребляется в современных перифрастических условных формах, поэтому можно предположить, что условный хабитуалис представляет собой грамматикализацию более ранней перифрастической конструкции, структурно аналогичной современным. В современных перифрастических условных формах корень вспомогательного глагола сам по себе не несет никакой модальной семантики; поэтому представляется наиболее вероятным, что модальное значение условных форм, соответствующих аштынским хабитуальным, в ицаринском и в других даргинских языках является производным от исходного значения хабитуалиса. Такой сценарий укладывается в общую тенденцию «вытеснения» настоящего общего на периферию видо-временной системы или в зону модальности (см. выше).

Интерес представляет также распределение синтетических и перифрастических форм в кондиционалисе: условное реальное

будущее и условное ирреальное прошедшее являются синтетическими¹⁶, а остальные временные формы выражаются перифрастически. Такое противопоставление, очевидно, связано с тем, что синтетические формы выражают именно те значения, которые для условных форм являются каноническими — реальное условие в будущем и ирреальное условие в прошлом, соответственно [Храковский 1998]. Таким образом, в данном случае наблюдается следующая тенденция: наименее маркированные значения выражаются синтетическими формами, более маркированные — перифрастическими.

3. Общие тенденции устройства аштынской видео-временной системы

3.1. Сочетаемость граммем вида и аспекта-времени-модальности

Как было показано в настоящем обзоре, употребление всех видовых основ имеет предсказуемую семантику. Интерес представляет то, каким образом видовые основы сочетаются с суффиксальными показателями различных видео-временных серий. Большинство видео-временных парадигм сочетаются либо с перфективом, либо с имперфективом, но не с обеими основами сразу; это соответствует ситуации в большинстве других нахско-дагестанских языков. Специфика аштынского диалекта (и, шире, даргинских языков) состоит в том, что некоторые формы, такие как претерит, перфект и будущее время в индикативе, и большинство модальных форм, сочетаются с обеими основами:

	PFV		IPFV
Настоящее общее	–		+
Презенс	–		+
Прогрессив	–		+
Квалитатив	–		+
Претерит	+	←	+
Перфект	+	→	+
			(эвид.)

¹⁶ Вместо синтетических условных форм (за исключением хаби-туальных) могут употребляться соответствующие аналитические, однако такие примеры всегда очень искусственны и не встречаются в реальных текстах.

Результатив	+		–
Экспериментив	+		–
Будущее	+	←	+
Императив	+		+
Гортатив	+		+
Юссив	+		+
Фактитивный оптатив	+		+
Прохибитив	? ¹⁷		+
Условное реальное	+		+
Условное ирреальное	+		+
Условное хабитуальное реальное	–		+
Условное хабитуальное ирреальное	–		+

В большинстве форм индикатива набор личных окончаний или, в аналитических формах, выбор причастия/деепричастия уточняет исходное значение видовой основы. То есть, происходит не аддитивное сочетание значений, а частичное их пересечение.

Использование основы имперфектива с формами перфекта, по-видимому, представляет собой относительно новое явление, поскольку такие употребления могут иметь только эвиденциальное значение, вторичное по отношению к собственно аспектуальному значению перфекта. То же можно сказать и о перфективных формах претерита: в большинстве других даргинских языков, где имеются формы, соответствующие кубачинскому претериту, они употребляются только для хабитуалиса в прошлом или имперфекта; аорист обычно маркируется показателями *-ib/ur/un*, которым соответствует кубачинское перфективное простое (дее)причастие (не употребляющееся предикативно). Формы будущего времени в аштынском (но не в кубачинском) образованы от причастия «общего времени» (хабитуального) на *-an* [Мусаев 1983: 43; Муталов 2002: 158] и в некоторых диалектах — например, в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 70] — могут образовываться только от основы имперфектива, что позволяет считать возможность образования этих форм от перфективной основы в аштынском также результатом расширения изначального употребления формы. На-

¹⁷ В имеющихся у меня примерах не встречается форм прохибитива, образованных от основы перфектива, однако, по аналогии с другими модальными формами, можно предположить и существование перфективного прохибитива.

правления развития сочетаемости основ и видо-временных серий отражены в таблице при помощи стрелок.

В аштынской (и кубачинской) видо-временной системе, таким образом, категория вида оказывается гораздо более самостоятельной, чем во многих других языках даргинской группы. В тех случаях, когда значение вида четко отделяется от значений других глагольных грамматических категорий, таких как время и эвиденциальность, оно целиком выражается глагольной основой, а суффикс лишь указывает на временную референцию или эвиденциальность. В то же время, к примеру, семантика настоящего времени предполагает имперфективность, и поэтому в таких случаях выражение вида и времени остается в значительной степени кумулятивным.

Как видно из таблицы, в большинстве модальных форм (в том числе и тех, которые остались за рамками нашего рассмотрения в предыдущем разделе), в отличие от форм индикатива, возможно употребление как основы перфектива, так и основы имперфектива. Это связано с тем, что модальные формы обладают резко очерченным значением, которое не содержит в себе аспектуального компонента.

Таким образом, аштынская видо-временная система представляет собой переходный тип между «двухъязысной» системой, типичной для Дагестана, где суффиксальный показатель специфицирует более общее аспектуальное значение, выраженное в основе, а также зачастую имеет и временное значение, и системой, где граммы бинарной категории вида аддитивно сочетаются с граммами других глагольных категорий.

3.2. Экспериментив и квалитатив: категория «стативизации»?

Рассматривая аштынскую видо-временную систему, следует упомянуть сходство в формальном выражении категорий экспериментива и квалитатива: первая выражается полной формой перфективного причастия, вторая — имперфективного. Выражение экспериментива полной формой причастия со связкой/предикативным показателем в целом характерно для нахско-дагестанских языков [Вострикова 2009]. Н. В. Вострикова связывает экспериментивное значение аналогичных конструкций в рассматриваемых ею языках (агульском и ицаринском даргинском) с тем,

что формы причастия кодируют «данное». Действительно, как показано в работах [Майсак, настоящий сборник] и [Kalinina, Sumbatova 2007], в этих языках причастные формы (морфологически аналогичные аштынским формам экспериентива и квалитатива) используются для кодирования информации, входящей в общий «фонд знаний» говорящего и собеседника. Именно поэтому при фокусном выделении одной из составляющих клаузы в ицаринском языке возможно употребление только причастной формы:

- (53) a. *murad-il s:ulehi b-elq'-un=ca-b*
 Мурад-ERG окно N-сломать.PFV-PRET=COP-N
 ‘Мурад **разбил** окно’.
- b. *murad-il=ca-b s:ulehi b-elq'-un-ci /*
 Мурад-ERG=COP-N окно N-разбить.PFV-PRET-ATTR
 **b-elq'-un*
 N-сломать.PFV-PRET
 ‘Это Мурад **разбил** окно’ [Sumbatova, Mutalov 2003: 85]¹⁸.

Это объясняется тем, что при фокусном выделении одной из составляющих истинность самой ситуации входит в пресуппозицию, и, следовательно, предикат должен маркироваться «пресуппозитивной» причастной формой.

В аштынском диалекте ситуация обстоит иначе: употребление или неупотребление атрибутивного показателя не накладывает каких-либо строгих запретов на коммуникативное членение предложения. Так, в аштынском использование атрибутивной глагольной формы при фокусном выделении не является обязательным (пример самостоятельно составлен носителем языка на основании русскоязычного стимула):

- (54) *ča=di: kat ka:q'-u'n ʔaʕli lak*
 кто=PAST:Q вниз DOWN+идти.IPFV-PRS[3] Али вверх
hat:-a:g-u-mu:til
 UP-выйти.IPFV-CVB-когда
 ‘**Кто спускался** вниз, когда Али поднимался вверх?’

¹⁸ Я позволил себе перевести лексические глоссы в данных примерах на русский язык, а также, для упрощения восприятия читателем, привести грамматические глоссы и транскрипционные знаки в соответствие с глоссами и транскрипционными знаками, которые используются в данной статье для аштынского диалекта.

В способе выражения экспериментива и квалитатива скорее следует видеть проявление аспектуальной семантики. Как было указано выше, семантика аштынского квалитатива — представление некоторого действия как постоянного свойства субъекта. Экспериментив в типологической литературе описывается сходным образом: перфективная ситуация, имевшая место в прошлом хотя бы один раз, рассматривается как свойство субъекта [Вострикова 2010]. Таким образом, полная форма причастия в предикативном употреблении является показателем вторичного аспекта [Плунгян 2011] — перехода предиката из акционального класса «событие» в акциональный класс «состояние». При этом выбор формы причастия достаточно прозрачен: перфективное причастие используется для выражения экспериментива, т. е. ситуации, когда свойство субъекта понимается как совершение им в прошлом некоторого действия минимум однократно; имперфективное же причастие используется для выражения квалитатива, т. е. когда свойство субъекта понимается как действие, которое тот часто совершает или имеет склонность совершать. На правильность такой трактовки указывает и тот факт, что в аштынском прилагательные (ставивные предикаты *par excellence*) в предикативной позиции не в контексте сравнения могут употребляться только в полной форме, т. е. с использованием того же показателя *-zi-b*:

(55) а. *nis:i-la qal χ^wala-zi-b=sa-b*
 мы-GEN дом большой-ATTR-N=COP-N
 ‘Наш дом **большой**’

б. *nis:i-la qal χ^wala=sa-b*
 мы-GEN дом большой=COP-N
 ‘Наш дом **больше**’ {другого дома}, *‘Наш дом большой’

Необходимо подчеркнуть, что имеющиеся у меня данные не позволяют однозначно исключить влияние коммуникативных факторов на выбор той или иной глагольной формы. Можно предположить, что экспериментивное значение, а также, возможно, значение квалитатива, развились у соответствующих форм, как и предполагает Н. В. Вострикова, как частный случай маркирования данного в дискурсе. С течением времени, в ходе общей перестройки глагольной системы, несомненно имевшей место в кубачинском, коммуникативные факторы отошли на второй план, и аспектуальное значение для этих форм стало первичным.

3.3. Синтетические и аналитические финитные формы

Семантические явления, стоящие за противопоставлением синтетических и аналитических глагольных парадигм в нахско-дагестанских языках, давно привлекают внимание исследователей. Как показала Н. Р. Сумбатова, для многих нахско-дагестанских языков характерна следующая закономерность: *синтетические* глагольные формы «возможны только в независимых, «повествовательных» и при этом коммуникативно нейтральных предложениях» [Сумбатова 2004: 495], тогда как *аналитические* глагольные формы «допустимы в *любых* типах независимых предложений — в том числе в вопросах и предложениях с фокусом» [там же]. При этом «утвердительный статус пропозиции входит в семантику даргинских¹⁹ “финитных” форм» [там же: 496].

Однако данное ограничение в аштынском диалекте не носит такого же строгого характера, как в ицаринском. Достаточно указать, что в аштынском синтетические финитные глагольные формы могут свободно употребляться в вопросительных предложениях²⁰:

- (56) *χul-i b-uk-un-hilaj, ustul pak*
 гость-PL HPL-есть.PFV-CVB-SEQ стол чистый
b-a:q'-a-t:i:?
 N-делать.PFV-PRET-2SG:Q
 ‘Ты **убрала** со стола после того, как гости поели?’

Кроме того, стратегия фокусного выделения, при которой предикативный показатель ставится после фокусируемой составляющей, хотя и возможна в аштынском диалекте, но употребляется крайне редко.

О том, что типичная для других даргинских и, шире, нахско-дагестанских языков оппозиция между «ассертивными» и «не-ассертивными» формами в кубачинском языке в значительной степени ослаблена, говорит и тот факт, что синтетическая финитная форма прошедшего времени, в других даргинских язы-

¹⁹ Имеется в виду, прежде всего, ицаринский даргинский.

²⁰ Конечно, это касается только претерита: поскольку формы настоящего общего, употребляемые только для обозначения «общих истин», равно как и условные формы, трудно представить себе в независимом вопросительном предложении.

ках используемая для не-ассертивного хабитуалиса в прошлом, в кубачинском стала немаркированной формой как перфективного, так и имперфективного претерита (см. об этом §3.1 выше).

Таким образом, противопоставление синтетических и аналитических форм в системе индикатива не связано с коммуникативной структурой высказывания. По-видимому, можно говорить о том, что в аштынском диалекте в прошлом произошел частичный переход от типичного для Дагестана «коммуникативно-ориентированного» типа аспектуально-темпоральной системы к «аспектуально-ориентированному» типу. Частные проявления этого перехода можно видеть как в уменьшении роли коммуникативного членения высказывания в выборе глагольных форм, так и в тенденции к увеличению морфологической самостоятельности категории вида, выраженной в глагольной основе.

Представляется также, что к аштыному применима категория «темпоральной подвижности», использованная для описания противопоставления синтетических и аналитических форм в восточноармянском в работе [Плунгян 2006]. В этом языке к синтетическим формам относятся аорист, императив, конъюнктив, кондиционалис, а также «архаичное» настоящее время у небольшого числа глаголов; к аналитическим формам относятся имперфектив, перфект, результатив и дестинатив. Все аналитические формы, к тому же, могут сочетаться с формами прошедшего времени глагола-связки, что аналогично категории ретроспективного сдвига в аштынском. Подобным же образом в аштынском именно аналитические формы оказываются «темпорально подвижными». Сходство с армянской системой усиливает и тот факт, что в аштынском также большинство синтетических форм являются модальными; единственными синтетическими формами индикатива остаются настоящее общее и претерит. Возможно, именно такое распределение форм по принципу «темпоральной подвижности» отражает общетипологические тенденции организации видо-временных систем.

4. Заключение

В данной работе описаны семантика и употребление большинства видо-временных форм, представленных в аштынском языке. Конечно, во многих случаях недостаток данных не позво-

лил описать значение грамматических форм с желательной степенью полноты. Несмотря на это, ряд наблюдений, которые удалось сделать уже на этом этапе исследования, могут, как кажется, представлять некоторый интерес с типологической точки зрения. Суммируем их здесь.

1. Формы настоящего общего времени, на более раннем этапе развития даргинских языков употреблявшиеся, по всей видимости, в качестве форм настояще-будущего времени, в аштынском диалекте, как и в некоторых других даргинских языках, оказались вытеснены на периферию глагольной системы в результате грамматикализации новых форм настоящего и будущего времени. Аналогичные процессы наблюдаются в некоторых других нахско-дагестанских языках, а также в других языках Кавказа, Закавказья и смежных областей [Stilo 2011], что позволяет предположить ареальную мотивацию для данного диахронического сценария (впрочем, засвидетельствованного в языках мира достаточно широко и вне Кавказа).

2. Распределение аспектуальной семантики между основной и суффиксальными показателями различно для разных глагольных форм. В претерите, в эвиденциальных употреблениях перфекта и в будущем времени единственным носителем аспектуальной информации оказывается глагольная основа, а суффиксальные показатели маркируют время и/или эвиденциальность. Показатели всех остальных серий индикатива сочетаются лишь с одной из основ. Таким образом, аштынская система оказывается промежуточной между «двухъярусной» системой, типичной для Дагестана, где суффиксальный показатель специфицирует более общее видовое значение основы, и системой с раздельным кодированием аспекта и других глагольных категорий. Такая ситуация в аштынском — по-видимому, результат перестройки исходной даргинской системы, в которой видовая основа была менее самостоятельной. В модальных формах единственным носителем аспектуальной семантики оказывается глагольная основа, поскольку сами по себе модальные показатели никак не маркированы с точки зрения аспекта.

3. Параллелизм в выражении граммом экспериментива и квалитатива полной формой, соответственно, перфективного или имперфективного причастий отражает семантическую общность

этих форм: в первом случае как постоянное свойство субъекта понимается как факт совершения им некоторого действия в прошлом один или более раз; во втором случае в качестве свойства субъекта осмысливается действие, которое он совершает часто или имеет склонность совершать.

4. Аспектуально-темпоральная система аштынского диалекта значительно слабее ориентирована на выражение коммуникативных категорий, чем аналогичные системы многих других нахско-дагестанских языков, в том числе и даргинских. При этом сопоставление аштынских финитных форм с соответствующими формами других диалектов позволяет предположить, что на более раннем этапе истории кубачинского языка произошел переход от «коммуникативно-ориентированной» глагольной системы к «аспектуально-ориентированной». Предыстория аштынской видо-временной системы, однако, требует более подробного исследования с привлечением данных других языков даргинской группы.

5. Наконец (хотя это и не связано непосредственно с аспектуальной семантикой) интерес представляет также распределение аспектуально-темпоральных значений между синтетическим и аналитическим способами выражения. В том, как эти формы распределяются, можно видеть проявление категории «темпоральной подвижности», описанной в работе [Плунгян 2006] для восточноармянского языка, с которым у аштынского обнаруживаются в этом отношении интересные типологические параллели.###

Список сокращений

аналит. — аналитическая финитная форма; ашт. — аштынский (диалект); кубач. — кубачинский (язык); перифр. — перифрастическая финитная форма; синт. — синтетическая финитная форма; AD — локализация объекта рядом с ориентиром; ADD — аддитивный показатель; ANTE — положение ориентира передней стороной к объекту; ADV — обстоятельственный показатель; ATR — атрибутив; CAUS — каузатив/каузальный падеж; COND — кондиционалис; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — дательный падеж; DEM — указательное местоимение; DIST — дальний дейксис; DOWN — направление действия вниз относительно субъекта; EL — элатив; ERG — эргатив; EXST — экзистенциальная связка; FUT — будущее время; GEN — родительный падеж/настоящее общее время; HAB — хабитуалис; HITHER —

направление действия в сторону наблюдателя; NPL — классный показатель для множественного числа людей; IMP — императив; INF — инфинитив; IN — локализация объекта внутри поллой среды; INTER — локализация объекта внутри сплошной среды; INTR — непереходный глагол; IPFV — имперфектив; IRR — ирреальное условие; LOC — локативная форма; LV — «легкий глагол» в сложных глаголах; M — грамматический класс лиц женского пола; N — грамматический класс неодушевленных предметов; NEG — отрицание; NPL — классный показатель множественного числа неодушевленных предметов; OBL — косвенная основа; PART — причастие; PAST — ретроспективный сдвиг; PERF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRET — претерит; PROX — ближний дейксис; PTCL — частица; Q — вопросительная частица; SEQ — показатель деепричастия предшествования; SEQ.CONT — показатель деепричастия контактного предшествования; SG — единственное число; ST — именная часть сложного глагола; SUB — локализация ниже ориентира; SUPER — локализация выше ориентира; TH — тематическая гласная; THITHER — направление действия от наблюдателя; TR — переходный глагол; UP — направление действия вверх относительно субъекта.

Литература

- Булыгина 1997 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 45–112.
- Вострикова 2009 — Н. В. Вострикова. Экспериментальные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 19–31.
- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериментального значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Гасанова 1971 — С. М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Институт истории, языка и литературы им Г. Цадасы, 1971.
- Кибрик и др. 1972 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловянникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Коряков, Сумбатова 2007 — Ю. Б. Коряков, Н. Р. Сумбатова. Даргинские языки // Большая российская энциклопедия. Том. 7. М.: Большая российская энциклопедия, 2007.
- Магометов 1963 — А. А. Магометов. Кубачинский язык. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1963.

- Майсак — Т. А. Майсак. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка. Настоящий сборник.
- Мусаев 1983 — М.-С. М. Мусаев. Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение). Махачкала: Редакционно-издательский центр ДГУ им. В. И. Ленина, 1983.
- Муталов 2002 — Р. О. Муталов. Глагол даргинского языка. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 2002.
- Плунгян 2006 — В. А. Плунгян. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив // *Армянский гуманитарный вестник* 1, 2006. С. 7–20.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Сумбатова 2004 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школы. М.: Знак, 2004. С. 487–504.
- Сумбатова 2010 — Н. Р. Сумбатова. Связки в даргинском языке: оппозиции и употребление // *Вопросы языкознания* 5, 2010. С. 44–62.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Темирбулатова 2004 — С. М. Темирбулатова. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Изд-во типографии ДНЦ РАН, 2004.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998.
- Carlson 1980 — G. N. Carlson. *Reference to kinds in English*. New York: Garland, 1980.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Oxford University Press, 1985.
- Dum-Tragut 2009 — J. Dum-Tragut. *Armenian. Modern Eastern Armenian*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica* 15, 1, 1998. P. 29–62.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — E. Kalinina, N. Sumbatova. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 183–249.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in language*. London: Routledge, 1994.

- Shluinsky 2009 — A. Shluinsky. Individual-level meanings in the semantic domain of pluractionality // P. Epps, A. Arkhipov (eds.). *New Challenges in Typology. Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 175–198.
- Stilo 2011 — D. Stilo. *The Diachrony of the Present, Subjunctive, and Future Formations and their Derivatives in the Araxes-Iran Linguistic Area*. Доклад, прочитанный на 4-й Международной конференции по иранскому языкознанию. Уппсала, Швеция, 19 июня 2011 г.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. *A grammar of Icarl Dargwa*. München: LINCOM Europa, 2003.
- Tatevosov 2005 — S. G. Tatevosov. From habituals to futures: discerning the path of diachronic development // H. Verkuyl, H. De Swart, A. Van Hout (eds.). *Perspectives on aspect*. Dordrecht: Springer, 2005. P. 181–197.

Приложение. Система основных финитных форм глагола аштынского диалекта кубачинского языка

Наклонение	индикатив				кондиционалис			
	немаркированный		ретроспективный сдвиг		n/a			
Вид	PFV	IPFV	PFV	IPFV	PFV		IPFV	
Реальность	n/a				реалис	ирреалис	реалис	ирреалис
Настоящее общее	-	<i>b-i:q'-u</i> (синт.)	-		-	-	<i>b-i:q'-aχ:-an</i> (синт.)	<i>b-i:q'-aχ:-an-dil</i> (синт.)
Квалитатив		<i>b-i:q'-u-zi-w=sa-w</i> (аналит.)	-	<i>b-i:q'-u-zi-w=di</i> (аналит.)				
Презенс		<i>b-i:q'-ul</i> (аналит.)		<i>b-i:q'-ul=di</i> (аналит.)				
Прогрессив		<i>b-i:q'-ul li-w</i> (перифр.)		<i>b-i:q'-ul li-w=di</i> (перифр.)				
Претерит	<i>b-a:q'-aj</i> (синт.)	<i>b-i:q'-aj</i> (синт.)	-		<i>b-a:q'-ib-zi-w uχ-a:-li</i> (перифр.)	<i>b-a:q'-a:-dil</i> (синт.)	?	<i>b-i:q'-a:-dil</i> (синт.)
Экспериментив	<i>b-a:q'-ib-zi-w=sa-w</i> (аналит.)	-	<i>b-a:q'-ib-zi-w=di</i> (аналит.)					
Результатив	<i>b-a:q'-ib li-w</i> (перифр.)		<i>b-a:q'-ib li-w=di</i> (перифр.)					
Перфект	<i>b-a:q'-ip:i</i> (аналит.)		<i>b-i:q'-ip:i</i> (аналит.)	<i>b-a:q'-ip:i=di</i> (аналит.)				

Будущее	<i>b-a:q'-an-ni</i> (аналит.)	<i>b-i:q'-an-ni</i> (аналит.)	<i>b-a:q'-an=di</i> (аналит.)	<i>b-i:q'-an=di</i> (аналит.)	<i>b-a:q'-a:-li</i> (синт.)	?	<i>b-i:q'-a:-li</i> (синт.) <i>b-i:q'-u-zi-w</i> <i>ux-a:-li</i> (перифр.)	<i>b-i:q'-u-zi-w</i> <i>ux-a:-dil</i> (перифр.)
модальные формы								
Вид	PFV				IPFV			
Императив (2 лицо)	<i>b-a:q'-a</i> N-делать.PFV-IMP				<i>b-i:q'-a</i> N-делать.IPFV-IMP			
Прохибитив (2 лицо)	<i>(b-a:q'~ma:q'-i-t)</i> N-делать.PFV~ПРОН-TR-2				<i>b-i:q'~ma:q'-i-t</i> N-делать.IPFV~ПРОН-TR-2			
Гортатив (1 лицо мн. ч.)	<i>b-a:q'-e:</i> N-делать.PFV-HORT.PL				<i>b-i:q'-e:</i> N-делать.IPFV-HORT.PL			
Юссив	<i>b-a:q'-a-?a</i> N-делать.PFV-IMP-JUS				<i>b-i:q'-a-?a</i> N-делать.IPFV-IMP-JUS			
Фактитив- ный оптатив	<i>b-a:q'-ab</i> N-делать.PFV-OPT				<i>b-i:q'-ab</i> N-делать.IPFV-OPT			
Делибе- ратив (1 лицо)	<i>b-a:q'-ida</i> N-делать.PFV-DELIB				<i>b-i:q'-ida</i> N-делать.IPFV-DELIB			